

— Хорошо, — наконец-то сказала она. — Это будет нормально.

Югао повернулась спиной и подняла руки, её чакра начала меняться. Я немедленно активировал свои глаза, уже не заботясь, кто мог это увидеть.

Давай. Я жаждал, не отрывая глаз от её спины.

Я наблюдал в замедленной съемке, как она сделала определённые печати руками, и её чакра циркулировала через ноги, пока она, казалось, не исчезла в вихре листьев.

На моем лице появилась улыбка — я только что овладел одним из первых дзюцу, необходимых для достижения ранга S. Шисуи использовал это и достиг ранга S к пятнадцати годам, но у меня было преимущество — я знал, чего хочу.

Попробую завтра. Сейчас нужно проверить, как там Наруко.

— Твое равновесие всё ещё немного неустойчиво, — сказал Саске, сидя на стуле и наблюдая за её попытками освоить базовые каты.

Наруко тихо зарычала, ворча, что это слишком сложно.

— Есть разница между сложным и невозможным, — нахмурился Саске, услышав её. — Я бы не дал тебе это руководство и не тренировался с тобой, если бы считал тебя слишком глупой, чтобы справиться.

Наруко бросила на него слегка раздраженный взгляд, не зная, имел ли он в виду именно это.

— Мог бы сказать это помягче, — фыркнула она, не любя, когда Саске делал такие замечания.

— Я не из тех, кто говорит мягко, — ответил Саске, скрестив руки на груди.

— Врёшь, — указала она на него пальцем, обвиняя. — Ты мне помог, значит, ты не какой-то

придурок с дурацкой прической, 'ттебайо.

Саске закатил глаза и вздохнул.

— Я тренировался и не успел принять душ, Наруко, — сказал он раздраженным тоном. — Я знаю, что ум не всегда твоя сильная сторона, но постарайся использовать его, когда можешь.

Наруко собиралась что-то сказать, но остановилась. Почему Саске так себя ведет?

— Хорошо, — он слегка улыбнулся, откинувшись на стуле, — не позволяй оскорблениям задевать тебя. В общем-то, не позволяй ничему из того, что говорят люди, касаться тебя. Их мнения не имеют значения, потому что ты для них не имеешь значения.

Тон Саске был немного тревожащим. Он действительно казался равнодушным.

— Это как-то жестоко, — сказала она, откидывая чёлку, чтобы убрать её с лица.

Саске фыркнул, медленно вставая с кресла и с трудом сдерживая стон.

— Мне нужно быть осторожнее, — пробормотал он, подходя ближе, — единственные мнения, которые меня волнуют, исходят от людей, которые будут на моих похоронах. Всем остальным я безразличен. — Он закончил холодно, в его глазах было что-то ледяное, заставляющее её бороться с желанием отступить.

За все те разы, когда Саске помогал ей, она могла видеть, что внутри него что-то было не так. Он был холоден почти ко всем, легко скучал и всегда был напряжен, как будто думал, что за ним следят.

Наруко не знала, что сказать Саске. Его слова были тревожащими.

— Гражданский меня не знает, — пояснил Саске, его тон смягчился, как будто он заметил, как она тревожится. — Если я умру прямо сейчас, то, думаю, только один человек в мире действительно будет скучать по мне, почувствует грусть от невозможности снова меня увидеть и заплачет. — Он замер на мгновение, вздохнул, а потом отвернулся от неё.

Я... Я так много для него значу? — задумалась Наруко, наблюдая за его спиной, пока он ходил назад и вперед.

— Подумай о тех, кто действительно заботится о тебе, — Саске наконец остановился и снова посмотрел на неё. — Хокаге, хозяин рамена... Ичираку? Их мнения — единственные, которые имеют значение.

Когда Саске разложил всё по полочкам, её взгляд на это изменился. Цивилизованные люди считали её монстром, но она не была им. Дзидзи, Теучи и Аяме-чан знали, что она не монстр; они заботились о ней.

— А что насчет тебя? — тихо спросила она, осознав, что у Саске больше нет семьи. — Твоей семьи больше нет...

— Не надо, — прошипел он, его глаза впились в её. — Я пытаюсь научить тебя чему-то, Наруко, так что не упоминай об этом. — Он резко провел рукой по волосам, сжав зубы.

— Пожалуйста, не злись на меня, — попросила Наруко, тихо раздраженная его поведением. — Можешь просто сказать, что ты пытаешься меня научить? Ты думаешь странно, и я не понимаю, чего ты хочешь.

Что-то в её последних словах вызвало у Саске короткий смех, его плечи поникли, и он вдруг выглядел расстроенным.

— Мне не следовало злиться, — пробормотал Саске. — Я плохо спал и устал от тренировок, но это не оправдание.

Наруко была готова простить его. Он выглядел искренне раскаявшимся и был её единственным другом.

— Можешь объяснить, что ты хочешь, чтобы я поняла? — почти умоляюще спросила Наруко.

Саске вздохнул и кивнул.

— Быть добрым — это хорошо в большинстве случаев, — пояснил он. — Но иногда быть добрым не стоит. Цивилизованные люди ненавидят тебя по какой-то причине, но я знаю, что это не потому, что ты плохой человек. Не все улыбаются каждый день и справляются с этим, некоторые становятся жестокими и говорят гадости. Я такой. — Он тихо добавил последнее.

— Я знаю, как вызвать реакцию у импульсивных людей, когда знаю, что сказать, — продолжал Саске. — И это выявляет слабость характера.

— Э? — Наруко заморгала в недоумении, не понимая этого.

Саске театрально застонал, заставив её нахмуриться.

— Ты это сделала ненамеренно. — Саске хрустнул костяшками пальцев на левой руке, его челюсть напряглась. — Ты знаешь, что я не люблю говорить о некоторых вещах, верно?

Наруко кивнула, вспомнив, как он отреагировал минуту назад на упоминание его семьи.

— И есть вещи, о которых ты не хочешь говорить, так? — поднял бровь он.

Она посмотрела вниз и пробормотала «да», ощущая холод от воспоминаний о нападениях.

— Оба наши реакции сигнализируют о том, что есть что-то, что мы либо ненавидим, либо боимся. — Голос Саске проник в её сознание, вырывая из мыслей. — Вражеские шиноби могут воспользоваться этим.

— Как? — Наруко наклонила голову.

— Ты знаешь, что такое гендзюцу? — внезапно спросил Саске, звуча серьёзно.

Наруко покачала головой.

— Ну, — Саске выглядел задумчивым, пытаясь найти слова, чтобы объяснить, — проще говоря, гендзюцу — это когда ты используешь свою чакру, чтобы манипулировать зрением, слухом, обонянием и другими чувствами другого человека.

— Лааадно. — Наруко кивнула, внимательно слушая.

— Подумай, что может сделать кто-то, зная, чего ты боишься, — продолжил её друг. — Что если они будут заставлять тебя переживать это снова и снова?

Наруко ахнула от ужаса, понимая, почему Саске ей это говорит.

— Не позволяй людям использовать твою слабость, — твёрдо сказал он. — В мире есть зло, и оно будет причинять боль хорошим людям при каждой возможности. Мы должны сделать себя такими же страшными, как монстр.